

ГЛАВА 10. БЕДСТВИЕ БОЛЕЗНИ: УМИН

Сквозь пелену ночного дождя в гостиницу вошли четыре девушки. Их белые одежды, длинные и струящиеся, волочились по порогу, точно лепестки увядающих цветов. Казалось, это четыре призрачных удумбары, дрожащие под каплями воды, медленно раскрываются в неверном свете огня. Их хрупкие фигуры, полные печальной грации, и затуманенные слезами глаза проступили из темноты.

Чжуан Шаогун, всё ещё надеявшийся взывать к добродетели врагов, напряжённо спросил:

— Это и есть «Зло гадания» и «Зло насекомых-гу»?

— Нет, — отозвался Умин. — Это плакальщицы.

Девушки замерли. Они одновременно посмотрели на них. Девушки страдальчески нахмурились, и их лица исказились от глубокой скорби; слёзы, подобные жемчужинам, покатались, теряясь в промокших волосах на висках.

— Плакальщицы? — недоуменно переспросил Шаогун.

«Трупное зло» Ма Минван со страдальческим видом закрыл уши и отвернулся:

— Какое беззаконие... Эти бедные крошки — всего лишь марионетки в руках Фу Лин.

Умин сложил вместе указательный и средний пальцы правой руки. Между ними, точно когти, заблестели четыре чёрные от яда иглы, подрагивая в ожидании броска.

— Что ты задумал?! — Шаогун мёртвой хваткой вцепился в его локоть.

— У плакальщиц три ступени скорби. Первая — плач Хань Э, пробуждающий жалость. Вторая — плач наложницы Сян, разрывающий сердце. Третья — плач Мэн Цзян-ньюй, от которого рушатся стены. Если не нанести удар сейчас, когда они зарыдают в полную силу, будет поздно.

Существовало предание, что когда-то старый глава «Врат Духовной Настройки», практикуя искусство под бамбуковыми зарослями, вдохновился легендами о великих рыданиях. Самым могущественным из них был плач Мэн Цзян-ньюй, обрушивший Великую стену. Тот старик, знаток музыки и колдовства, был одержим боевыми искусствами. Прослышав о шаолинском «Львином рыке», он рассудил, что женский плач может стать не менее грозным оружием — идеальным средством против героев и праведников.

Он заставлял учениц годами тренировать дыхание, вкладывая энергию дантяня в каждый вскрик. Но юные девы не знали истинного горя, и их плач не трогал сердца врагов. Тогда он

стал запугивать их, но в их голосах поселился лишь страх, а не печаль. В поисках истинной скорби он вырезал целую семью ученых, оставив в живых лишь десятилетнюю девочку и её мать. Пытая на глазах ребёнка мать, он заставлял её плакать. И девочка завывала так, что кровь стыла в жилах.

С тех пор секта собирала по всему свету несчастных сирот, тренируя их для этой бесчеловечной техники. Этих дев, отданных в распоряжение Фу Лин, называли «кулин» — духами плача.

Девушки задрожали, тяжело и прерывисто дыша. Сквозь влажные ресницы прорвались первые всхлипы.

В этом плаче слышалась вся горечь и безысходность земного существования. С каждым звуком он словно раздирал грудную клетку слушателя, сплетаясь с нежным придыханием — мольбой о пощаде, против которой невозможно было устоять.

В ушах Чжуан Шаогуна зашумело, сердце то замирало, то пускалось вскачь, подстраиваясь под ритм рыданий. Он всё ещё не отпускал Умина:

— Они плачут так безутешно... должно быть, их горе истинно. Неужели нельзя обойтись без убийства? Просто сделай так, чтобы они не могли нам навредить.

Умин на мгновение задумался.

— Вышвырну их вон.

Шаогун, терзаемый жалостью к красавицам, возразил:

— А если просто нажать на «немые точки»?

— Энергия в их телах не подвластна контролю. Закупорка этих точек прервёт ток внутренней ци, и они умрут в муках, когда их лёгкие разорвутся изнутри.

— Тогда... — Шаогун обливался потом, судорожно соображая. — А если нажать на «точки смеха»? В «Трактате Жёлтого Императора» сказано: «Бесконечная печаль есть признак скудости духа. При скудости духа должно воздействовать на пустые меридианы, дабы восстановить ток и успокоить энергию».

Девушки продолжали рыдать, но они изумленно посмотрели на него. Идея этого молодого господина была, мягко говоря, своеобразной. Техника «плача духов» была необратима: они должны были рыдать, пока не иссякнут силы и дыхание не оборвётся.

Они видели в жизни лишь горе, и их слёзы были неисчерпаемы. Праведники обычно медлили с ударом и гибли, а злодеи убивали их мгновенно. Но никто и никогда не пытался заставить их смеяться в разгар смертельного рыдания.

Умин, уступив Шаогуноу, рванулся вперёд. Одним движением он перехватил запястье первой красавицы в районе точки Линдао, вскинул её руку и молниеносно ударил в точку Цзицюань подмышкой. Затем, превратив пальцы в ладонь, он подхватил поток чистой ци из дантяня и повёл его вдоль меридиана Жэнь-май, проходя через точки Тяньту и Шаньчжун.

Резко развернув девушку спиной к себе, он влил две струи чистой внутренней энергии в точки Фэйшу и Динчуань.

Стоило ему отпустить её, как рыдания оборвались. Девушка замерла, она изумленно посмотрела на него, а затем радостно улыбнулась.

Шаогун остолбенел. Со стороны казалось, что Умин просто разок крутанул девицу вокруг своей оси, и та мгновенно исцелилась.

Умин повторил процедуру с остальными тремя.

— Благодарим за спасение, господин! — Спустя мгновение девушки, чей смех понемногу утих, пали ниц перед Шаогуном.

Тот поспешно поклонился в ответ, заметив, что они всё ещё плачут, несмотря на улыбки.

— Неужели... метод не сработал? — встревожился он.

— Не беспокойтесь, — ответила одна из них, утирая слёзы. — Это просто... просто радость сквозь горе.

Шаогун лишь предложил идею, но Умин, мастер «Бедствия болезни», знающий человеческое тело до последнего нерва, исполнил это безупречно. Ему не нужны были цитаты из трактатов, чтобы понять, как усмирить бушующую ци. Просто этот ленивый юноша предпочёл бы убить их ради экономии сил, и лишь вмешательство Шаогуна заставило его передумать.

— Спасибо тебе, — искренне сказал Чжуан. Умин мог быть жестоким и непредсказуемым, но он умел слушать.

Умин обернулся. В чёрных одеждах его мертвенно-бледное лицо казалось высеченным из нефрита. Лишь в его взгляде, отражавшем пламя костра, промелькнула тень насмешки.

— Я всего лишь оружие. Не стоит меня благодарить.

— Ха-ха-ха! Умин, ну и ну! — раздался снаружи язвительный мужской голос. — Тратить силы на такую ерунду... Ты явно ни во что не ставишь нашу секту! Что ж, раз ты сам ищешь смерти, я не стану церемониться!

Шаогун едва не забыл, что снаружи их поджидают двое мастеров. Он хотел было что-то ответить, но девушки-плакальщицы кольцом окружили его, закрывая собой.

— Господин, это Тэн Бао по прозвищу «Зло насекомых-гу», — быстро прошептала одна из них, та, что была с кокетливо заплетенной прядью у уха. — Он глава нашего ордена, великий мастер гу. Он вырезал всю мою семью, а из тела матушки сотворил своих тварей... Я мечтаю содрать с него кожу!

В этот миг в гостиницу вкатился небольшой синий комок. На первый взгляд — ребёнок, но с лицом взрослого мужчины.

Карлик кувыркнулся по полу и подпрыгнул на три сажени вверх, уходя от четырёх ядовитых игл, брошенных Умином. Сбросив плащ, он выпустил из-за пазухи облако чёрного тумана, которое тут же устремилось к юноше.

Умин замер, даже не пытаясь уклониться.

Шаогун вскрикнул: чёрное марево, состоящее из мириад ядовитых насекомых, облепило Умина копошащимся коконом. Но внезапно рой качнулся и опал на пол кровавым месивом. Умин, всё такой же чистый и неподвижный, негромко произнёс:

— Первый приём.

Синий карлик Тэн Бао гнусно захихикал:

— А на ноги свои ты посмотреть не хочешь?

Шаогун опустил взгляд, и его волосы встали дыбом.

Две иссиня-чёрные змеи со скользкой чешуёй уже обвилились вокруг лодыжек Умина. Их пасти были широко раскрыты, зубы впились в икры, а из клыков сочился яд, от которого исходил морозный пар.

— Плохо дело! — вскрикнула девушка-плакальщица. — Это «Ледяной дракон», священное гу Врат Насекомых-гу! Тэн Бао подготовился — он выпросил эту тварь у своих союзников. Исцелить такой укус может только снежный лотос, но он цветет раз в сто лет!

Умин и бровью не повел. Он даже не взглянул на свои ноги. В его руках, словно из ниоткуда,

появились восемь тонких, как крыло цикады, ланцетных ножей — тех самых пидао, которыми пользуются лекари.

Увидев эти ножи, Тэн Бао отшатнулся, словно увидел призрака. Он судорожно выхватил из-за пазухи горсть золотистых зёрен. В полёте они превратились в золотых шелкопрядов длиной в палец. Выпуская тончайшие нити, они мгновенно опутали Умина, превращая его в плотный кокон.

В этот момент в зал ворвались ещё восемь женщин. Возглавляла их дама в алом платье с высокой причёской в форме змеи. В руках она держала пипу. Стоило её пальцам ударить по струнам, как по залу разнеслась музыка, полная жажды крови. Её ритм заставлял сердца биться в такт ударам боевого барабана, но в этой мощи сквозило пугающее кокетство.

Шаогун узнал мелодию — «Снятие доспехов верховного правителя», отрывок «Прощание наложницы Юй». Техника игры была запредельной. Но зачем играть это сейчас? Неужели она намекает, что Умин окружён со всех сторон и ему пора, подобно Сян Юю, покончить с собой на берегу Уцзян?

Женщина запела, и в её голосе смех сливался с плачем:

— Сила героя иссякла, к чему же мне жить?

Сразу после этих слов из-за спины женщины вылетела другая — в наряде наложницы Юй с длинным мечом в руках. Она нанесла удар по неподвижному кокону. Зал наполнился стальным блеском, даже пламя костра пригнулось к земле. Шаогун смотрел во все глаза, совершенно сбитый с толку: «Что-то здесь не так... Ведь танец Юй Цзи был самоубийством, а не убийством императора!»

Внутри кокона Умин сосредоточился на даньтяне, запуская технику «Пяти признаков увядания».

Обычно мастеру внутренней школы требуются сутки, чтобы прогнать кровь и ци по меридианам Жэнь и Ду — это называется Малым небесным кругом. Это укрепляет дух и продлевает жизнь. Но техника «Увядания» ломала все запреты, ускоряя поток крови до немислимых пределов. С каждым кругом мощь возрастала вдвое. За мгновение можно было обрести силу десятилетних тренировок, но это было сродни утолению жажды ядом — ущерб организму был непоправим.

Едва остриё меча коснулось шёлка, Умин резко выбросил энергию наружу. Кокон разлетелся в пыль. Повернувшись на левой пятке, он пропустил клинок в волоске от себя, правым локтем мгновенно заблокировал сустав противницы, а левым — нанёс сокрушительный удар под дых.

Всё произошло в единый миг — стремительно, плавно, беспощадно. «Юй Цзи» всё ещё пыталась завершить выпад, когда услышала над ухом тихий смех. Её рука онемела, меч

выскользнул и вонзился в каменную стену.

Только тогда она поняла, что Умин уже у неё за спиной. Она обернулась и посмотрела в его абсолютно чёрные глаза. Юноша чисто и нежно улыбнулся. И в это мгновение дикая боль от точки Цзицюань разлилась по её телу — меридиан сердца разрывался на куски, лопались сосуды, а чудовищная внутренняя энергия продолжала свой разрушительный бег.

Понимая, что смерть неизбежна, и почти не чувствуя боли от шока, она в последний раз взглянула на Умина.

Все в гостинице замерли, бледные как смерть. Женщина, истекая кровью из глаз и ушей, слабо улыбнулась — так, словно умирала на руках возлюбленного или познала великую тайну. Умин отпустил обмякшее тело.

— Второй приём, — холодно отсчитал он.

Шаогун пришёл в себя и первым делом посмотрел на ноги Умина. Змеи всё ещё висели на них, но их чешуя осыпалась, тела раздулись от гноя и буквально разваливались на куски.

Карлик Тэн Бао, прячась за широкой юбкой одной из учениц, заверещал:

— Мои змеи! Змеи моей тётки!

— Забирай. — Умин небрежно подцепил носком сапога бесформенные останки рептилий и мощным ударом отправил их в сторону врагов. Змеи взорвались, окропив стену и перепуганных женщин зловонной жижей.

Тэн Бао, стоявший ближе всех, прикрылся плащом, но несколько капель попали ему на тыльную сторону ладони. Ткань мгновенно пропиталась ядом, и кожа под ней покрылась жуткими волдырями величиной с финик. Карлик взвыл. Он и представить не мог, что «Бедствие болезни» окажется ядовитее священного «Ледяного дракона». Тварь, чей укус смертелен, издохла, едва коснувшись этого юноши. Кто же он такой — этот Умин?

Имя «Бог чумы» десятилетиями наводило ужас на Поднебесную. Не потому, что его обладатели были кровожадны, а потому, что каждый наследник этого титула с детства жил среди ядов, намеренно заражая себя редчайшими болезнями. Они вбирали в свои тела чужие недуги, превосходя легендарного Шэнь-нуна в познании отравы. Сотни ядовитых свойств и симптомов хранились в их меридианах, делая их внутреннюю силу самой изощрённой и беспощадной в мире. Смерть от их руки была милостью по сравнению с тем, что они могли сотворить.

— Третий приём, — произнёс Умин. Между его пальцами всё так же тускло поблескивали восемь ланцетных ножей.

Поняв, что его магия бессильна, Тэн Бао бросился к выходу. Умин метнул ножи, но сам оказался быстрее — он преградил путь карлику, и ланцеты, словно послушные псы, сами скользнули обратно ему в ладони.

В отчаянии Тэн Бао выхватил маленькую змейку, проглотил её живьём и, пробормотав заклинание, ударил себя по нескольким точкам. Его тело стало невероятно гибким, он попытался проскользнуть между ног Умина. Но юноша, крутнувшись на месте, точным ударом в поясничную точку подбросил карлика в воздух и взмыл следом, подкинув свои ножи.

Стальной блеск сплелся в сплошную сеть. Никто не успел заметить, что произошло в воздухе, но когда Умин приземлился, Тэн Бао рухнул рядом. Часть его одежды и плоти исчезла. На полу лежала половина идеально очищенного скелета.

Внутри этой костяной клетки всё ещё пульсировали органы, и сердце билось с бешеной частотой.

Техника «Бедствия болезни» имитировала казнь «тысячи порезов». В идеале нужно было нанести три тысячи шестьсот ударов за мгновение. Умин схалтурил, ограничившись двенадцатью сотнями, но от этого зрелище стало лишь более гротескным.

— Три с половиной приёма, — Умин стряхнул с ланцетного ножа клочок плоти. Глядя на умирающего врага, он добавил: — Ты всего лишь мусор. Зачем было нарываться? — Казалось, эта схватка была для него лишь досадной тратой сил.

Тэн Бао в предсмертной агонии прохрипел:

— Моя тётка... она... тебя... — Он поднял уцелевшую левую руку и сам раздавил собственное сердце.

Чжуан Шаогуна едва не вывернуло. Этот болезненный на вид юноша в бою превращался в нечто за пределами человеческого понимания. Ученицы секты падали в обморок, кого-то рвало, а те, кто ещё мог двигаться, на четвереньках ползли к выходу. Этой грозовой ночью в старой гостинице они увидели истинный лик демона, и их воля была сломлена.

Фу Лин, «Зло гадания», в своём алом платье осела на пол. Она дрожала всем телом. Умин посмотрел на неё:

— Фу Лин?

Она не могла вымолвить ни слова, она застучала зубами. Она судорожно прижала к себе пипу — то ли надеясь защититься, то ли готовясь к последнему удару.

Шаогуна, боясь новой расправы, крикнул:

— Умин, пощади её! Довольно крови! Остановись!

Умин обернулся. Его глаза оставались чистыми и спокойными, в них не было ни тени азарта или жестокости.

Фу Лин, почувяв шанс, вложила остатки сил в последний бросок. Пять её пальцев рванули струны — и те, точно стрелы, сорвались с колок. Умин, казалось, ждал этого, но не шелохнулся. Четыре стальные нити насквозь прошили его плечо.

Ма Минван и Нью Апан, до этого лишь наблюдавшие, переглянулись. Нью Апан затряс резным бронзовым колокольчиком, а Ма Минван выхватил магнитный меч из каменных ножен.

— Встать! — рявкнул он.

Из-за низкой стены, где стояли алтари предков ордена, выметнулись несколько фигур. Они мгновенно окружили Умина.

Шаогун похолодел. Его попытка проявить милосердие обернулась против друга. Он и не подозревал, что у секты есть тайный резерв.

Фигуры были жуткие: кожа пепельного цвета, глаза наглухо закрыты, тела закованы в грубую железную броню.

Это и были те самые зомби, созданные с помощью киновари и тайных обрядов, о которых говорил Ма Минван.

Под звон резного бронзового колокольчика и движения магнитного меча мертвецы пошли в атаку. Их удары казались хаотичными, но в них читался древний и грозный ритм. Железные кулаки, твёрдые, как сталь, один за другим обрушивались на грудь и спину Умина.

Юноша не сопротивлялся. Он принимал каждый удар, стоя на месте. Тело его содрогалось, он прижал руку к губам и глухо закашлялся.

Когда он отнял ладонь, по подбородку текла кровь, которую было уже не унять.

— Почему ты не защищаешься?! — в отчаянии крикнул Шаогун.

Умин с трудом перевел дыхание.

— Ты велел мне остановиться.

Шаогуна словно громом поразило.

— Я сказал «остановиться», имея в виду её! Откуда мне было знать, что они нападут?

— Я всего лишь оружие... — повторил юноша.

Раскаяние захлестнуло Чжуана. Глупость его доброты едва не стоила Умину жизни.

— Оружие, делай что хочешь! Защищайся! Бей их!

Умин закрыл глаза.

— Поздно. Мой недуг обострился, раны слишком глубоки. Я не смогу выстоять против «Трупного зла».

Ма Минван усмехнулся:

— Ты дерзок, парень, но не глуп. Твои яды хороши против живых. Но в этих телах вместо крови — ртуть, а все отверстия забиты киноварью. Кости их крепче железа. Они — твоя погибель.

— Не трать время на болтовню! — провизжала Фу Лин. — Убей его, и наша секта войдет в пятерку сильнейших!

— Пусть сегодня всё закончится здесь, — Умин вытер кровь с губ, но новый приступ кашля заставил его согнуться пополам. На бледных щеках проступил лихорадочный румянец. — Только... пообещайте, что отпустите молодого господина Чжуана.

Ма Минван кивнул:

— Идет. Ты совершил много зла, и смерть твоя будет справедливой. А этот книжник — человек добрый и в делах боевых не сведущ. По законам цзянху я не трону его. К тому же я знал его отца, он мне почти как племянник. Ступай с миром, я его защищу.

Сделка была заключена. Умин покорно опустил голову, ожидая конца. Нью Апан замахнулся колокольчиком...

Чжуан Шаогун метался в тисках выбора. Он не мог просто сказать: «Умрём вместе». Дома его ждали старые родители. Но и бросить того, кто гибнет из-за его ошибки, он не мог. Долг сына или долг чести?

В голове его уже созрел безумный план предложить секте семейные реликвии в обмен на

жизнь Умина, как вдруг Фу Лин истошно закричала.

Словно из ниоткуда в зал ворвалась мощная, необоримая волна энергии. Она вспорола ночной дождь и мгновенно затопила гостиницу, так что у всех перехватило дыхание. Ослепительный блеск, извивающийся подобно разъярённому дракону, заставил Шаогуна зажмуриться от боли.

Одинокая капля дождя, сорвавшаяся с крыши, под действием этой силы превратилась в снаряд. Она вдребезги разнесла резной бронзовый колокольчик Нью Апана. Звук разлетающегося металла ударил по барабанным перепонкам, заставив всех присесть.

Зомби, окружавшие Умина, разлетелись в клочья, их железная броня смялась, как бумага. Облако киновари взметнулось вверх алой пылью, оседая на полу кровавым ковром.

Когда пыль улеглась, выжившие с трепетом подняли глаза.

Умин, едва живой, уже не стоял на ногах — он бессильно приник к груди человека, возникшего в центре зала.

<http://bllate.org/book/17481/1693934>